

Владимир
Шемшученко

Мысль
превращается
в слова

Владимир Шемшученко

Мысль превращается в слова

«Алетейя»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Шемшученко В. И.

Мысль превращается в слова / В. И. Шемшученко — «Алетейя»,
2020

ISBN 978-5-00165-107-9

В книгу входят лучшие из написанных Владимиром Шемшученко стихотворений. Эти стихи разнообразны и разноплановы, всеобъемлюще представляют творчество поэта, о котором Н.Н. Скатов, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН сказал: «Живая душа и сострадающее сердце. Острота мысли и хороший русский язык. Потрясающая образность и метафоричность. Мастерская техника стихосложения и свободное дыхание стиха. Четко заявленная позиция человека и гражданина».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00165-107-9

© Шемшученко В. И., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

Об авторе	6
«Слово было в начале...»	8
Полина	9
Тишина	10
«Вместо бессильных слов...»	11
Речка	12
«Хотел обнять полмира...»	13
Степное	14
«Не ради красного словца...»	16
«Коль написано на роду...»	17
«Недоброе дело, ведя молодых за собой...»	18
«Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа...»	19
Соловки	20
«Крикливее стали вороны, и тени длиннее...»	21
«По чёрному – белым, по красному – чёрным...»	22
Караганда	23
Подранок	24
«Любил я блатные словечки...»	25
«Опять вы мне снится, друзья-почемучки...»	26
Неподсуден	27
«А всё начиналось просто...»	28
«Не верь, не бойся, не проси...»	29
«Снятся мне по ночам человекособаки...»	30
«Неладно со времён царя Гороха...»	31
Родине	32
Мысль превращается в слова	33
Картина	35
Последний выход	36
«Художник поставит мольберт...»	37
Заполярье	38
Здравствуй	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Шемшученко

Мысль превращается в слова

© В.И. Шемшученко, 2020

© Издательство «Алетейя»

* * *

Об авторе

У меня нет сомнений в том, что Владимир Шемшученко истинный русский поэт. Его русскость бьёт через край, его стихи напоминают мне огранённые алмазы, в которых не испорчена ни одна грань. Система образов в его стихах по-своему уникальна.

Мне иногда бывает страшно за него – я не знаю, сколько он сможет писать на таком надрыве, выдержит ли его сердце боль, которую он пропускает через себя.

Мне непонятно, как совсем ещё молодой человек сумел написать такие строчки:

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.
Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны.
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

Я очень пожилой человек, мне уже пора собираться в дорогу, и потому я перед Богом называю Владимира Шемшученко своим братом в поэзии. Поэта, равного ему, в Санкт-Петербурге сегодня нет.

Глеб Горбовский

Сколько на своём веку я повидал людей, которые думают, что они на ты с поэзией, что они пишут стихи. А на поверку оказывается, что они всего лишь плетут кружева из слов, создают что-то такое эфемерное, этакое тонкое графоманство. Цветы у них, цветы, а в итоге – пустоцвет, не дающий плодов...

И когда появляется человек, который пишет, как живёт, у которого стихи, а не порхание – его видно сразу.

Живёт в Петербурге Володя Шемшученко – поэт, ума, сердца, человек русского народа, русского языка, поэт обжигающего слова.

Егор Исаев,

поэт, Герой Социалистического труда

Живая душа. Сострадающее сердце. Острота мысли. Хороший русский язык. Потрясающая образность и метафоричность. Мастерская техника стихосложения.

Свободное дыхание стиха. Чётко заявленная позиция человека и гражданина.

Жива, жива ещё русская поэзия, если родятся на земле нашей такие поэты, как Владимир Шемшученко.

Н. Н. Скотов,

доктор филологических наук, член-корреспондент, советник Российской академии наук, директор Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН с 1987 по 2005 год

Стихи Владимира Шемшученко отличительны ярко выраженной гражданской позицией, в них дышит жизнь и судьба. Я уверен в творческом будущем поэта.

Анатолий Жигулин

«Слово было в начале...»

Слово было в начале.
Страшным будет конец.
Зачеркнёт одичанье
Милосердный свинец.
Я весёлый и грубый
И в репьях голова,
Потому прямо в губы
Я целую слова.

Полина

*3 апреля 2017 года был совершён террористический акт в
Петербургском метрополитене*

Не жар-птица в Неву уронила перо,
Не сошла на прохожих небесная манна —
В Петербурге у нас подорвали метро.
Рана!

Телефон, как змея... Он ужалить готов...
Сердце лопнет сейчас от малейшего звука...
Позвони! Хоть дыханье услышу без слов.
Мука!

Пальцы, как не мои...
 Длинный, длинный гудок...
Вечность тянет своё в исполнении сольном...
Никогда ещё не был я так одинок.
Больно!

Телевизор безжалостно ходит по мне,
Тычет в душу, в глаза —
крики, слёзы и стоны.
А в ушах, как стеклом по железу,
 лишь — «...вне
Зоны...»

Тишина

Пером и кистью по зиме
Позёмка пишет акварели.
Дрожат ресницы старой ели
И серебрятся в полутьме.

С зеленоглазою луной
Играет старый кот в гляделки.
Вживаюсь в роль ночной сиделки,
Поскольку сам себе – больной.

Пузатый чайник на плите
Сопит, вздыхает и бормочет,
Как будто мне напомнить хочет
О законной красоте.

«Звездам нет счёта,
 бездне – дна» —
От белой зависти немею...
И всё же выдохнуть посмею:
Россия – это тишина.

«Вместо бессильных слов...»

Вместо бессильных слов
В самом, самом начале —
Капельки васильков,
Искорки иван-чая.
Ну и ещё – река,
А на реке светает —
Это издалика,
Это растёт, нарастает...
Это ещё не звук,
Это из сердцевины...
Это небесный паук
Звёздной наткал паутины...
Это корова-луна
Тучу поддела рогами.
Это кричит тишина
Между двумя берегами...
Это – здесь и сейчас! —
Заговорить стихами...
Это – последний шанс
Не превратиться в камень.

Речка

Осязаемо, грубо, зримо,
Разбивая в щепу стволы,
Мимо скал, поселений мимо,
Завязав ручейки в узлы,
Раня пальцы о край небосвода —
(Зачерпни – обожжёшь лицо!),
Сквозь закаты и сквозь восходы,
Своясь сознание – в конце концов! —
То безумствуя, то замирая —
(Вся полёт – боль её легка!),
Ускользает, смеясь, босая —
Неслучившаяся строка...

«Хотел обнять полмира...»

Хотел обнять полмира,
Да руки коротки.
Я метил в командиры,
А вышел в штрафники.

Я не плету сонеты
И не хожу в строю.
Заплечных дел поэты
Меня не признают.

А я всё хмурю брови
И лезу напролом —
Поэзия без крови
Зовётся ремеслом.

Степное

1

Проскакал по степи
чёрный всадник на красном коне,
И ворвался огонь в белоснежные юрты аула,
И никто не ушёл, и расплавилось солнце в огне,
И крылатая смерть на корявых ветвях саксаула
Наблюдала, как дети
от сабельных корчатся ран,
И пришли корсаки¹,
чтоб обглаживать лица и ноги,
И не слышал Аллах
материнского вопля: «Аман²!»
И стоял безответным вопросом сурок у дороги,
И луна не взошла, и ушёл конармейцев отряд,
И вернулись в аул,
подвывая от страха, собаки...
Не ходи к роднику – не вода в нём, а памяти яд,
И не трогай руками росую омытые маки.

2

Когда лягнет металл о металл,
И вселенная вскрикнет от боли,
Когда в трещинах чёрных такыров,
Словно кровь, запечётся вода, —
Берега прибалхашских озёр
Заискрятся кристаллами соли,
И затмит ослабевшее солнце
Ледяная дневная звезда.

И послышится топот коней,
И запахнет овчиной прогорклой,
И гортанная речь заклокочет,
И в степи разгорятся костры, —
И проснёшься в холодном поту
На кушетке под книжною полкой,
И поймёшь, что твои сновиденья
Осязаемы и остры.

О, как прав был строптивый поэт —

¹ Корсак (*турк.*) – степная лиса.

² Аман (*турк.*) – пощади.

Кузнецов Юрий, свет, Поликарпыч,
Говоря мне: «На памяти пишешь...
(Или был он с похмелья не прав?)
Хоть до крови губу закуси —
Никуда от себя не ускачешь,
Если разум твой крепко настоян
На взыскующей памяти трав.

От ковыльных кипчакских степей
До Последнего самого моря,
От резных минаретов Хорезма
До Великой китайской стены, —
Доскачи, дошагай, доползи,
Растворяясь в бескрайнем просторе,
И опять выходи на дорогу
Под присмотром подружки-луны.

Вспомни горечь полыни во рту
И дурманящий запах ямшана,
И вдохни полной грудью щемящий
Синеватый дымок кизяка,
И сорви беззащитный тюльпан,
Что раскрылся, как свежая рана,
На вселенском пути каравана,
Увозящего в даль облака...»

«Не ради красного словца...»

Не ради красного словца
Я выползаю из окопа —
Со мной герои Перекопа
И тень убитого отца.

Я гражданин не той страны,
Которую навяжет всякий...
Когда я сдохну здесь, собаки
Завоют с русской стороны.

«Коль написано на роду...»

Коль написано на роду
В Петербурге мне быть поэтом,
Не воспользуюсь я советом:
Да пошёл ты в Караганду!

Жил я бражно. Плавил руду.
Не облизывал вражьи миски.
И не крал у детей сосиски
В «перестроечную» страду.

С бабой русской живу в ладу.
Народились дети и внуки.
Я бы вырвал по плечи руки
Тем, кто сбросил с Кремля звезду!

«Недоброе дело, ведя молодых за собой...»

*Я всё равно паду на той,
На той далёкой, на гражданской...
Булат Окуджава*

Недоброе дело, ведя молодых за собой,
Налево глядеть, а затем,
с полдороги – направо.
Ах, крутится, вертится, падает шар голубой...
Займи мне местечко в аду,
мой герой Окуджава.

Ты принял свободу,
как пёс от хозяина кость –
Идущий на Запад, теряет лицо на Востоке.
С тех пор разъедает мне душу обида и злость.
Осудят меня лишь за то, что пишу эти строки.

Над Питером чайки.
Норд-вест гонит воду в Неву.
Грядёт наводнение,
и сфинксы мне дышат в затылок.
И радостно мне, что не держит меня на плаву
Спасательный плот
из пустых поминальных бутылок.

«Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа...»

Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа.
Руби руду! Баланду съешь потом...
Мой дед с кайлом в обнимку – доходяга.
А я родился... в пятьдесят шестом.

Война. Концлагерь. На краю оврага
Эсэсовец орудует хлыстом...
Отец с кайлом в обнимку – доходяга.
А я родился... в пятьдесят шестом.

Орёл двуглавый. Гимн. Трёхцветье флага.
С нательным в новый век вхожу крестом.
Бескровно под пером скрипит бумага,
Ведь я родился... в пятьдесят шестом.

Соловки

1

Увели их по санному следу,
Возвратились – забрали коня.
Ни отцу не помог я, ни деду,
Вот и мучает память меня.

Хватит, сам говорю себе, хватит.
Раскулачили – значит, судьба.
Только пусто в душе, словно в хате,
По которой прошла голытьба.

Нынче всякий и рядит, и судит,
Прижимая ко лбу три перста.
Дед с отцом были русские люди —
Ни могилы у них, ни креста.

За отца помолюсь и за деда,
И за мать, чтоб ей легче жилось —
У неё милосердье соседа
На разбитых губах запеклось.

2

Плывёт над снегами луна,
Как Слово, что было в начале...
А где-то уже – весна
С подснежниками и грачами.

А где-то сосулечья звень...
А где-то на лицах веснушки...
И реки наполнены всклень
Водой из небесной кадушки.

И скачет апрель на котах,
Охотясь на кошек глазастых.
И женщины тонут в цветах —
И больше всё в белых и красных!

И в храмах негромко поют,
Воскресшего днесь воспевая...
И я здесь не праздну стою,
А крестик в руках согреваю.

«Крикливее стали вороны, и тени длиннее...»

Крикливее стали вороны, и тени длиннее,
И солнце сегодня – точь-в-точь! —
 заржавевший пятак.
Но осень в Дивееве – осеней всех осеннее —
Мне на слово можно не верить, но именно так.

Она голенаста, сутула – почти некрасива.
(Под небом дырявым— откуда иные слова?)
Она, как с похмелья жестокого дюжина пива:
С утра – помогает, к обеду – кувырк голова!

Да что голова, если всё естество наизнанку?!
А осень меня допивает по строчке – до дна!
Чтоб ветер пустого – меня! —
 как консервную банку,
Таскал по дороге, которой название – страна.

Чтоб било меня, колотило, секло и трепало
За то, что ввязался в словесную эту игру...
Но я всё равно оглянусь на ступеньках вокзала,
Слезами заплачу и смертью тогда не умру.

«По чёрному – белым, по красному – чёрным...»

По чёрному – белым, по красному – чёрным
Рисует мой сын... Содрогнулась душа...
За всё, что мне раньше казалось бесспорным,
Сегодня не отдал бы я ни гроша!

Усилим воли себя возвращаю
Туда, где ходил по песку босиком,
И жизнь прожитую в песок превращаю,
И рваный башмак наполняю песком...

Хоть смейся, хоть плачь —
Провиденье пристрастно
И в Санкт-Петербурге, и в Караганде...
По белому – чёрным! По чёрному – красным!
Услышь мя, Идущий ко мне по воде!

Караганда

Дождь прошёл стороной,
и вздохнул терриконик —
Сводный брат нильских сфинксов
и сын пирамид.
Смерч подбросил листву на беспалых ладонях,
Зашвырнул чей-то зонтик на мой подоконник,
И умчался в притихшую степь напрямик.

Вечер сыплет крупу антрацитовый пыли
На усталых людей, доживающих век.
Город мой, ведь тебя никогда не любили,
Твои сказки похожи на страшные были,
И кровит под ногами карлаговский снег.

Утопает в грязи свет немых окошек,
Ночь троллейбусу уши прижала к спине.
Город кормит с ладони остатками крошек,
Прячет в тёмных дворах издыхающих кошек,
А собачники утром приходят ко мне.

На сожжённую степь, на холодный рассвет
Дует северный ветер – гонец непогоды,
На дымящие трубы нанизаны годы...
В этом городе улицы в храм не приводят.
Да и храмов самих в этом городе нет.

Подранок

Юность в отчем краю бесшабашной была —
Наше вам... из карлаговских мест.
Я из дома ушёл, закусив удила,
А очнулся – трелёвка окрест.

Я погнал своё время, пустил его вскачь —
Эка невидаль – лесоповал! —
Ел подёнщины хлеб, пил вино неудач,
Протрезвившись, ещё наливал.

Жил в полярных широтах, где лыком не шит
Каждый первый, кто ставит вопрос...
И узнал, что назойливый гнус не звенит,
А глаза выедаёт до слёз.

Я бы мог там безбедно прожить много лет,
У чужого пригревшись огня,
И закат бы сумел принимать за рассвет,
И никто не стрелял бы в меня...

«Любил я блатные словечки...»

Любил я блатные словечки
И драки – квартал на квартал.
И жизнь не плясала от печки,
А волчий являла оскал.

Горячий привет космонавтам!
Такими гордится страна!
А я по заброшенным шахтам...
И было мне имя— шпана.

На сцене актёр, но не зритель:
Спектакль, продолжение, срок...
Хвала тебе, ангел-хранитель,
За то, что не уберёг,

За то, что незримая сила
Меня приковала к столу,
За то, что дружков уносила,
В ближайший пивняк на углу,

За... что мне нелепая доля
В стихах плавить воск и металл?
Была бы на то моя воля —
Ни строчки бы не написал!

«Опять вы мне снитесь, друзья-почемучки...»

Опять вы мне снитесь, друзья-почемучки —
Вы мне докучали, и я не забыл...
Я целому классу чинил авторучки,
И вкус фиолетовых помню чернил.

Лиловые пальцы, лиловые губы...
Девчоночье вредное, злое: хи-хи...
А я был хорошим, а я был не грубым —
Я тайно писал для Маринки стихи.

Но классная наша, она же – учиха —
Меня выставляла... И делу конец.
Я крышку на парте отбрасывал лихо!
А в школе работали мать и отец...

А пончик с повидлом! За восемь копеек!
(Простите, друзья, – захлебнулся слюной...)
А лазов-то было, лазков и лазеек!
И нож перочинный – у каждого свой.

Мы бились нещадно, носов не жалели
За первое место в пацанском строю.
Мы «Взвейтесь кострами...» отчаянно пели.
А если вдруг кто-то орал: «Наших бьют!»...

Да я понимаю, что время другое,
И времени детские души под стать.
Но есть ли у них то, своё, золотое,
Чего не купить, не урвать, не продать?

Они не мечтают о сладкой конфете,
У каждого – куртка, у каждой – пальто.
Хорошие, чистые, умные дети...
А пёрышком «спутник» не пишет никто!

Неподсуден

Я не страдаю от режима
И не меняю баш на баш.
Пишу без всякого нажима:
Я экономлю карандаш.

Меня не били смертным боем
За дилетантские стихи.
Меня водили под конвоем
За настоящие грехи.

«А всё начиналось просто...»

А всё начиналось просто:
Мы шли с похорон отца.
Мой брат – он такого же роста,
Лишь резче черты лица...

Он тоже недавно умер,
Сгорел на моих руках...
С тех пор телефонный зуммер
Прописан в моих строках.

И третья смерть не отстала,
Медлить – удел живых.
Я молча прошёл три квартала.
Три года – и нет троих.

И дома, в сумраке стёртом,
Лишь я остался да мать.
Молчали.
 Кто будет четвёртым?
И стыдно теперь вспоминать...

«Не верь, не бойся, не проси...»

Не верь, не бойся, не проси...
А я просил, боялся, верил.
Не я, не я подобен зверю,
А тот, кто это разгласил.

Меня не надобно любить —
Нет ничего во мне такого.
К вопросу – быть или не быть —
Я отношусь весьма хреново.

Я в детстве дрых без задних ног,
За день набегавшись по крышам.
Никто не звал меня – сынок,
Но мой почтарь летал всех выше.

Клешата – только шире плеч!
Дружить – с тамбовским
рыжим волком!
Я изучал родную речь
По синим лагерным наколкам.

И небо было – голубей!
И свист – на запредельной ноте!
Не вы гоняли голубей,
Но вы – поймёте...

«Снятся мне по ночам человекособаки...»

Снятся мне по ночам человекособаки,
Что меня убивали у всех на глазах.
Снятся мне по ночам исык-кульские маки,
Прибалхашские степи да старый казах,
Тот, который не выдал толпе иноверца
И не смог на прощание вздоха сдержать...
Просыпаюсь от боли, сжигающей сердце,
Словно нужно опять в никуда уезжать.

Разорвали империю в клочья границы.
Разжирели каганы на скорби людской.
Там, где царствует ворон – зловещая птица,
Золотистые дыни сочатся тоской.
Южный ветер хохочет в трубе водосточной,
По-разбойничьи свищет и рвёт провода...
Всё назойливей запахи кухни восточной,
Но не многие знают – так пахнет беда.

«Неладно со времён царя Гороха...»

Неладно со времён царя Гороха
У нас – долдонят все, кому не лень.
А между тем – не так уж всё и плохо:
И ночь как ночь, и день как будто – день.

Куда ни глянь – увесистые негры
Буклетики бесплатно раздают,
И никому не действуют на нервы,
И потому у нас их редко бьют.

И среднеазиатскому меньшинству
Дозволено на улицах кричать,
И «русскому невиданному свинству»
Своих детишек в школах обучать.

А говорили – мы баранов съели,
И зверски распахали целину,
И с кровью кровь мешали, как хотели,
И (вай улляй!) ломились в чайхану.

Всё так: как говорится, жили-были,
Варили в чугушке тупой топор...
А мы ведь их действительно любили,
И, как ни странно, любим до сих пор.

Родине

1

Не то чтобы нас пригласили —
Скорее наоборот.
Но мы приезжаем в Россию
Из всех суверенных широт.

Нам стало вдали одиноко
И сделалась участь горька.
И с Запада, и с Востока
Течёт человечья река.

Над мыслями нашими властвуй.
Пришли мы к тебе налегке...
Как сладко сказать тебе: «Здравствуй!» —
На русском своём языке.

2

Осень. Звон ветра. Синь высоты.
Тайнопись звездопада.
Если на кладбищах ставят кресты,
Значит, так надо.

Значит, и нам предстоит путь-дорога
За теплохладные наши дела.
Сколько, скажи, не дошедших до Бога,
Тьма забрала?

Сколько, ответь, ещё водишь по краю,
По-матерински ревниво любя?
Я в этой жизни не доживаю
Из-за тебя.

Из-за тебя на могилах трава —
В рост! – где лежат друзья...
Но истина в том, что не ты права,
А в том, что не прав я.

Мысль превращается в слова

1

Мысль превращается в слова,
Когда ослепнешь от испуга
И кругом, кругом голова,
Когда нет преданного друга,
Когда не подадут руки,
Когда никто не интересен,
Когда не крикнуть: «Помоги!» —
Когда тошнит от новых песен,
Когда оборваны шесть струн
И мошкаррой роятся слухи,
Когда давно уже не юн
И смотрят искоса старухи.

Мысль превращается в слова,
Когда, безумием объятый,
Ты слышишь, как растёт трава
Из глаз единственного брата,
Когда ночей твоих кошмар
Впивается в неровность строчек,
Когда о край тюремных нар
Ты отобьёшь остатки почек,
Когда кружит водоворот,
Когда не объяснить событий,
Когда копаешь, словно крот,
Нору в осточертевшем быте.

Мысль превращается в слова,
Когда лишь пыль в пустой котомке,
Когда года летят в отвал,
Когда одни головоломки,
Когда на камни – без соломки,
Когда в семье сплошной развал,
Когда идёшь по самой кромке —
Мысль превращается в слова.

2

Слышащий – да услышит.
Видящий – да узрит.
Пишущий – да напишет.
Глаголящий – повторит.

Всяк за своё – ответит.
Каждому – свой черёд.
СЛОВО, если не светит —
Запечатает рот.

Пуля – она не дура,
А Провиденья рука.
Да здравствует диктатура
Русского языка!

Картина

Базарная площадь. Старик —
 поводырь обезьянки,
Владелец шарманки и счастья за ломаный грош,
И запах хурмы, и гаданье цыганки.
И бритый узбек, заносащий над дынею нож.
Всплывает из памяти пёстрый узор минарета
И, словно гадюка, сползает к нагретой земле...
И руки узбека забрызганы кровью рассвета.
Рисую, чтоб памятью переболеть.
И штрих за штрихом,
 словно наземь убитая птица,
И ярость мазка, как прорвавшая шлюзы вода,
И чья-то судьба —
 просто загнутый угол страницы.
Гадала цыганка. Гадала, гадала, гада...
И корчится холст от дыхания знойного лета.
На шаг отойду, и сквозь пальцы дрожащей руки
Гляжу, как ожившие краски рассвета
Ладонью стирает узбек с напряжённой щеки.

Последний выход

Поворот головы,
эти тонкие нервные пальцы,
И летящая чёлка,
и дерзкий мальчишеский взгляд —
Травестюшка, фитюлька...
Судьбу надевает на пальцы
И смеётся над ней,
как смеялась лет двадцать назад.

Всё ещё хороша,
и без промаха бьёт из рогатки
На потеху жующей
сладчайший поп-корн детворе,
И азартно играет
с крадущейся старостью в прятки,
И заранее знает,
кто будет повержен в игре.

О, великий театр!
С чем твои треволнения сравнимы!
На ступеньках галёрки,
в тиши запылённых кулис —
Я глотал твои слёзы,
я Гамлета видел без грима,
Я взлетал в поднебесье,
и падал поверженный вниз.

Непокорных – ушли.
Никуда не погрёшь – перемены.
И не то, и не так,
и не те не о том говорят...
Но выходит она... На поклон...
И, как тень Мельпомены,
Молча руки роняет – и...
ржёт коллективный де Сад.

«Художник поставит мольберт...»

Александру Тимофееву

Художник поставит мольберт,
И краски разложит, и кисти,
А я – двадцать пять сигарет
И с ветки сорвавшийся листик.

Мы будем сидеть vis-a-vis,
Пока не опустится темень,
И ради надмирной любви
Пространство раздвинем и время.

Мы станем глядеть в никуда
И думать о чём-то не важном —
Сквозь нас проплывут господа
В пролётках и экипажах,

Улыбки сиятельных дам,
Смешки, шепотки одобренья...
Последним проедет жандарм,
Обдав нас потоком презренья.

А ночью в дрянном кабаке,
Где слухи роятся, как мухи,
Он – в красках,
я – в рваной строке,
Хлебнём модернистской сивухи.

Забудем, что есть тормоза,
Сдавая на зрелось экзамен,
И многое сможем сказать
Незрячими злыми глазами.

И к нам из забытых времён,
Из морока рвани и пьяни
Подсядут: художник Вийон
И первый поэт Модильяни.

Заполярье

1

Ненасытная печь за поленом глотает полено.
На исходе апрель, а в тайге ещё снега по грудь.
Скоро лёд в океан унесёт непокорная Лена,
И жарки расцветут,
и не даст птичий гомон уснуть.

Где-то там далеко облака собираются в стаи.
Где-то там далеко людям снятся красивые сны.
А у нас ещё ветер весёлые льдинки считает
На озябших деревьях, и так далеко до весны.

Тишину потревожил испуганный рокот мотора.
Не иначе сосед мой —
 рисковый, бывалый мужик —
До того одурел от безделья и бабьего вздора,
Что по рыхлому льду
 через реку махнул напрямик.

И опять тишина.
 На сей раз проскочил-таки, леший.
От души отлегло. Я бы так ни за что не сумел.
В эту пору на лёд
 не ступают ни конный, ни пеший,
А ему хоть бы хны.
 Он всегда делал то, что хотел.

И за то пострадал,
 и срока отбывал на Таймыре,
И на выселках жил
 от верховьев до Карских ворот,
Пил еловый отвар,
 кулаком плющил морды, как гирей,
И выхаркивал лёгкие
 сквозь окровавленный рот.

Он глядел на меня,
 усмехаясь, в минуты застолья
И на третьем стакане
 меня зачислял в слабаки,
А глаза изнутри
 наполнялись любовью и болью —
Так на небо глядят

пережившие жизнь старики.

2

Он был болен и знал, что умрёт.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: «Так нельзя про народ.
В писанине такой мало толку».

Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.

«Замолчи! – оборвал он. – Шпана!
Что ты смыслишь! Поэзия – это...»
И закашлялся. И тишина...
И оставил меня без ответа.

3

С ним можно было запросто молчать.
Он никогда не задавал вопросы,
Когда я рвал рубаху сгоряча,
Роняя на пол пепел папиросы.

Он не писал ни песен, ни стихов.
С ним жили шавки: Руфь и Недотрога.
За ним совсем не числилось грехов.
Он говорил, что почитает Бога.

Он вытащил меня из пьяной драки
И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...»
Он умер тихо, но его собаки
Заснуть всему кварталу не дают.

Здравствуй

1

Холодно. Сыро. Фонарь догорает.
Ветер по улице бродит как тать.
Осень лениво глаза протирает —
Время вставать.

Время грустить – перелётное лето
Не загостилось в полярном краю.
Кто, ради Бога, загнал на край света
Душу мою?

Время любить – без любви умирают,
Вянут, как сбитая градом трава.
Путь от земного к небесному раю —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.